

**Мы с Вами всё ещё
на "Вы"**

Анна Роменко

Анна Роменко
Мы с Вами всё ещё на "Вы"

<https://litres.ru/74035439>

SelfPub; 2026

Аннотация

Часы на стене отсчитывают минуты урока, а внутренние часы — жизнь. Но никто не объясняет, как синхронизировать эти два механизма. В тетрадах — аккуратные графики функций. В жизни — изломанная линия времени, где каждая точка — выбор. Но карты к этой траектории не прилагается

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анна Роменко

Мы с Вами всё ещё на "Вы"

Глава 1

Тонкий покров ночи тает на заре. Секунды тянутся, подобно дням. Белёсый туман застилает всё вокруг — он липнет к стёклам, стелется по полу, словно хочет поглотить последние остатки сна. Время — будто война между светом и тьмой, где каждый рассвет — лишь перемирие на час. Люди ещё нежатся в своих постелях, ночные птицы замолкают, но дневных ещё не услышать в столь ранний час. Мир будто замер, и тягучий воздух наполнен звенящей тишиной — такой плотной, что её можно резать ножом. Хотелось бы мне что-то поменять? Думаю, нет. Я стремилась к высотам, на Олимп. И чего я добилась? Поступила, училась, выпустилась, работаю. И что? Думаю, моя зарплата говорит за меня. Наверное, это и есть Олимп. Только здесь пусто. Боги, покровители и идолы — их здесь нет. Здесь пусто, и в этой пустоте на плечи давит небо — необъятное, глубокое, такое далёкое, одинокое. Нет, видимо, я допустила ошибку. Один вопрос: когда? Когда из большой, вечно шумящей на периферии сознания семьи я

осталась одна? К этому долго шло, было много предпосылок, но до сих пор, прислушиваясь, первым делом я ищу этот шум — смех сестёр, ворчание отца, споры за столом. Они не были ко мне ласковы, нет. Ценили, возможно, любили, но ласковыми не были. Сёстрам я была нужна для помощи в учёбе и работе, папе — заменой совести и ежедневника, а Федотову нужен был преемник, который не предаст. Оксана с их дочерью были на первом плане для него, я — на втором. Оксана защитила дочь, не отдала в лапы бизнеса, разврата и бюрократии. А что же я? Знаете, а я влюбилась. Федотов объяснил мне это очень подробно. Мне было тогда 13, и я влюбилась. Тот мужчина был добрым и ласковым, смешил меня и защищал, когда нужна была помощь. И я защитила его, когда эта защита нужна была ему. Правда, один раз, но и его хватило с лихвой. Тогда были другие правила у жизни, и, продав себя, я защитила его самого, его семью. Это моя вина, что всё так получилось.

Вот тут-то он и проявился в полной мере — мой главный грех и он же кара: любовь.

Илюшенька, прости. Этим поступком я привязала тебя к себе. Любила ли я? Любил ли ты? Сейчас на этот вопрос не ответить. Но уже в 16 мы волею судьбы сделали наши отношения честными и настоящими. Ты вырос и полюбил. Девушка из ПТУ помогла в том, что не могли мы сделать сами — признаться.

Павел, прости. Ты был свежим глотком, ты был не Ильёй,

но ты был старше, и мы давно были знакомы. Ты был — и за это прости. Для меня ты появился уже в прошедшем времени. Ты был Машин, и ты, извини, был проверенным. Ведь тогда отчего-то мне первый раз по-настоящему стало страшно — не за себя, а за то, что я снова выбираю не то.

Максим, прости. Просто прости. Ты мне нравился. Был красив, ласков. Защищал меня и был хорошим советчиком и собеседником. Прости. Сейчас мне кажется, что именно ты был принцем на белом коне. Увы. Ты был нежным принцем, а грубость мира Федотова тогда меня не отпустила. Я не увидела тебя, твои чувства — за маской бестактной грубости и сладкой лжи, к которым привыкла. Я всегда буду помнить тебя, ты был последним, кому я читала свои стихи.

Иржи, прости. Ты полюбил видение — красивую картинку, за которой пряталась боящаяся я. Сейчас мне хочется быть честной — представлюсь правильно. Я Елизавета Сергеевна Васнецова, и я ищу принца на белом коне. А ещё я хочу того, кто не будет напоминать об Илье. Совсем забыла, несущественный факт — мне было 18.

Борис, прости. Мы встретились, когда я уже не искала принца, когда у меня уже появилась семья. Любимый мужчина, мужчина, который был нежен со мной, мужчина, который меня защищал, мужчина, который является равным собеседником, и четыре девочки, которых помогла воспитать. Борис, старые ошибки мной не забываются. Я познакомила вас всех. Не думай, что случайности случайны. Ты ведь то-

гда хотел произвести впечатление на моих родителей? Хотел быть честным, но всё-таки немного слукавил. Борис, мы квиты. В начале я познакомила тебя с тем, кто всегда со мной нежен. Ты ему не понравился, честно говоря, в следующую нашу с ним встречу он посоветовал подарить тебе книгу, обучающую сдерживать гнев. Потом ты познакомился с моим любимым мужчиной. Ему ты тоже не понравился. Только он не стал сдерживаться. Мы с тобой встречаемся, и ты должен знать, Борис: от тебя он не отстанет одними штрафами. Будь внимателен. Мужчина, с которым за разговорами мы проводим часы, немного опоздал. Но ты и так на него и не глядел. А вот мужчина, который меня защищает Вы с ним и так знакомы. Прости ещё раз. Но ты ширма моей жизни, поэтому я буду беречь тебя, так что привыкай.

Денис, перестань делать намёки Борису. Причина, по которой я не говорю, что с Дашей, весомей твоих аргументов. Твоя попытка отомстить провалилась. И если думаешь, что он поймёт — ты ошибёшься. Родители не поняли, что уж говорить об остальных. Ты мой щит, и за это, думаю, стоит извиниться. Но, с другой стороны, ты сам взял на себя эту роль и отдавать не хочешь.

Вот и первая машина. Голоса птиц всё громче и громче. Лёгкий ветер рвёт кисею тумана с деревьев, газонов. Елизавета Васнецова останавливает запись на диктофоне. — Нет, — шепчет она, — сейчас не подходящий момент для признания.

Её палец зависает над кнопкой удаления. Но вдруг замирает. В этот миг зеркало на стене идет рябью.

Елизавета приглядывается — и видит себя. Молодую, почти юную: с горящими глазами, в том самом платье, которое она носила в 12 лет.

Девочка делает шаг вперёд — и выходит из зеркальной рамы, будто переступает невидимую черту.

— Слушай, — она открывает страницу старого блокнота. — У меня мало времени. Возьми трубку, когда тебе позволят. И запомни- Не встречайся с Максимом в четверг. Не знакомь Бориса с отцом до весны.

Елизавета настороженно подходит к девочке. На странице — не её почерк, но он до боли знаком. Запись, сделанная рукой на мятом листке старого блокнота:

«Всё изменится в 8:17

Передать в 12 июня 2025, в 8:15

Твой Д.».

Елизавета резко поднимает глаза на часы — 8:16. Тишину утра разрывает звонок в дверь. Девочка смотрит на неё серьёзно, уже без улыбки:

— Это твой шанс все прекратить. Возьми трубку. Сейчас.

Но тут звонок разрывает тишину. Резкий, требовательный звук возвращает её в реальность: квартира, утро, диктофон на столе.

Юная Елизавета хмуриться и делает шаг назад, в зеркало. Её фигура тает, оставляя после себя лишь лёгкое мерцание.

Ее слова замирают в воздухе:

- Возьми трубку, не дай этому начаться.

Глава 2

Он набирает номер. Проходят минуты — долгие, тягучие, будто каждая вмещает в себя целую вечность. И всё же это не так долго, если вспомнить, сколько времени было потеряно безвозвратно. Он садится на диван в большой комнате, складывает руки на коленях, закрывает глаза — и чувствует, как разрыв временного полотна начинает увеличиваться, словно трещина в старом зеркале, что расползается под нажимом пальца.

Во времени и пространстве есть свои водовороты — невидимые глазу завихрения, где смешиваются эпохи, а прошлое шепчет будущему свои тайны. Учёным нужны сложнейшие аппараты, хитроумные расчёты и годы кропотливого труда, чтобы хотя бы уловить отблеск этих аномалий. Но тому, кто знает тропы времени, кто слышит его шёпот, войти в водоворот так же просто, как сделать шаг в реку.

Время здесь подобно воде: стоит коснуться его глади — и по поверхности побежит волна. На словах звучит почти безобидно. Но беда в том, что рябь на временном полотне никогда не затихает до конца.

Каждое значимое событие — особенно то, что рождено сильными чувствами, отчаянной решимостью или внезапным прозрением, — оставляет след. Оно бьёт по поверхности времени, как камень по воде, и порождает волну. Та бе-

жит во все стороны, отражается от невидимых границ мироздания, сталкивается с другими волнами — и вот уже возникает резонанс, подобный эху в горных ущельях.

Когда волны накладываются друг на друга, они сплетаются в причудливые узоры — временные завихрения. В этих местах прошлое, настоящее и будущее теряют свои чёткие границы, сосуществуя в одной точке, как слои старинной живописи, проступающие сквозь верхний слой краски. Причинно-следственные связи искажаются: порой следствие опережает причину, а события повторяются, словно заевшая пластинка. Человек внутри завихрения может увидеть тени давно ушедших людей, услышать голоса, которые прозвучат лишь через годы, или ощутить прикосновение будущего, ещё не наступившего.

Сила завихрения зависит от мощи резонанса — от того, насколько глубоким был след, оставленный событием.

Если резонанс слаб, возникают едва заметные искажения ткани времени: мимолётное ощущение дежавю, странные совпадения, будто мир подмигивает тебе тайным знаком, смутные предчувствия, похожие на шёпот ветра в листве. Такие завихрения со временем затухают, растворяясь в потоке времени, не оставляя следа.

Но если энергия волны велика — из-за масштаба события, накала страстей или многократного повторения — завихрение набирает силу. Оно растягивает полотно времени, создаёт точки напряжения, где ткань реальности истончается.

ся до прозрачности. И однажды — рвётся.

В месте прорыва возникает брешь в ткани мироздания — пространственно-временной разрыв. Он похож на трещину в стекле, через которую проглядывают иные миры. Разрыв не ограничивается одним временным пластом — он запускает цепную реакцию: завихрения начинают смещать события не только на том «полотне», где возник резонанс, но и на связанных с ним параллельных линиях времени, словно нити в гобелене, которые начинают распускаться одна за другой.

В зоне разрыва могут проступать фрагменты иных эпох, альтернативных миров или гипотетических сценариев — как отражения в разбитом зеркале. Последствия разрыва невозможно просчитать до конца: он может стабилизироваться и затянуться, оставив едва заметный шрам; разрастаться, поглощая новые области пространства времени, как пожар в сухом лесу; или превратиться в постоянный портал между мирами или эпохами — окно, распахнутое в вечность.

Тот, кто оказывается рядом с разрывом, испытывает странное смятение. Он может потерять ощущение времени — не понимать, где и *когда*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.